

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
Институт лингвистики и международных коммуникаций
Кафедра международных отношений, политологии и регионоведения

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой, к. т. н.,
доцент

_____ Л. И. Шестакова
«_____» _____ 2019 г.

**РОССИЯ И КИТАЙ В НАЧАЛЕ XVII–XVIII ВВ.: НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП
УСТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ–41.03.01.2019.376. ПЗ ВКР

Руководитель работы, к. и. н.,
преподаватель

_____ И. В. Грудочко
_____ 2019 г.

Автор работы

студент группы ЛМ-405

_____ И. П. Кириллов
_____ 2019 г.

Нормоконтролер, профессор

_____ А. Д. Таиров
_____ 2019 г.

Челябинск 2019

АННОТАЦИЯ

Кириллов И.П. Россия и Китай в XVII–XVIII вв.: начальный этап установления международных отношений. – Челябинск: ЮУрГУ, ЛМ-405, 65 с., библиогр. список – 24 наим.

В работе рассматриваются отношения России и Китая в XVII–XVIII вв., а также подписание Нерчинского и Кяхтинского договоров.

Цель выпускной работы – осветить и проанализировать начальный этап отношений Китая и России в XVII–XVIII вв.

Задачи работы: рассмотреть историческое развитие России и Китая в XVII–XVIII вв.; установить причины установления контактов между Россией и Китаем; проанализировать первые российско-китайские договоры; оценить характер отношений и сложности при подписании договоров.

Теоретические результаты исследования могут быть использованы для подготовки к практическим занятиям по истории Китая и международных отношений, рефератов и докладов по соответствующей тематике.

ОГЛАВЛЕНИЕ

АННОТАЦИЯ.....	5
ВВЕДЕНИЕ.....	7
1 СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ.....	9
1.1 Расширение на Восток.....	9
1.2 Путь в Китай	13
2 СТАНОВЛЕНИЕ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ.....	20
2.1 Крестьянская война.....	21
2.2 Образование маньчжурского государства и захват Китая	24
3 РУССКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ.....	32
3.2 Подписание первых договоров между государствами	49
3.3 Оценка Нерчинского и Кяхтинского договоров	54
3.4 Историческое значение Нерчинского и Кяхтинского договоров.....	58
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	61
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	63

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы. История между Россией и Китаем насчитывает не одно столетие. Первые контакты между русскими князьями и Китаем произошли еще во времена завоеваний монгол, когда оба государства стали частью одной большой империей Чингисхана. Но в то время не было и речи об установлении каких-либо дипломатических отношений. Даже после распада Монгольской империи появлялись причины, препятствовавшие установлению контактов.

Но все изменилось, когда в Китае к власти пришли маньчжуры и России династия Романовых. Государства стремились расширить и укрепить свои владения на Дальнем Востоке. В большинстве своем отношения были мирными и решались дипломатическим путем, не считая нескольких кровопролитных стычек.

В современном мире между двумя государствами все также остаются те самые проблемы: территориальная, торговля, миграция и так далее. Для разрешения этих проблем многие китайские и российские учёные и политологи ищут ответы в истории. Для них важно найти компромисс в данных вопросах, так как конфликты двум доминирующим державам на континенте не нужны.

Цель работы – осветить и проанализировать начальный этап отношений Китая и России в XVII–XVIII вв.

Задачи работы:

- 1) рассмотреть историческое развитие России и Китае в XVII–XVIII вв.;
- 2) установить причины установления контактов между Россией и Китаем;
- 3) проанализировать первые российско-китайские договоры;
- 4) оценить характер отношений и сложности при подписании договоров.

Объектом исследования – российско-китайские отношения в XVII–XVIII вв.

Предметом исследования – данной работы является начальный этап установления отношений, развитие культурных, политических связей между Россией и Китаем, развитие торговых отношений.

Результаты работы рекомендуется использовать при подготовке к семинарским занятиям и написанию научных работ.

1 СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

1.1 Расширение на Восток

Россия как сильное региональное государство всегда стремилась усилить свое могущество, быть на равных с сильнейшими европейскими государствами, а в каких-то случаях даже сильнее них. В эпоху географических открытий началась активная колонизация ведущими европейскими державами лакомых кусочков по всему миру: Великобритания имела обширные владения в Северной Америке, Карибских островах, Африке, Индии и Океании; Франция имела земли в Северной Америке, Юго-Восточной Азии и Африке; Испания и Португалия делили между собой господство над Южной Америкой и Центральной ее частью. Россия обладает рядом особенностей, таких как: отсутствие выхода к судоходным океанам для беспрепятственного путешествия в неисследованные земли; удаленностью от всех открытых земель, отсутствие флота как такового до Северной войны, что отличает ее от европейской колонизации. Вследствие этого основными направлениями колонизации России стали Восточные земли, чтобы сохранять свою боеспособность на Западном фронте, успешно вести торговлю с европейскими державами, а также активно пополнять запасы государственной казны. Местное население, особенно на Востоке, не могло оказать серьезного сопротивления, российское правительство это осознавало и насколько это возможно ненасильственным путем, когда это было возможно, присоединять будущих поданных царской короны. Как, например, получил наказ казак Ерофей Хабаров от своего воеводы Францбекова приводить местных жителей в

подданство исключительно мирными средствами «не боем, а ласкою» [22]. Значительная часть местного населения были кочующими племенами без сильного государственного образования, Россия же в свою очередь могла предложить протекторат и принять их в подданство, обеспечивая местное население современными технологиями, товарами и т.д.

Сравнивая колониальные успехи Российского государства и европейских держав, выходит, что Москва в большей части преуспела в основании колоний и закладывании ключевых точек на присвоенных территориях. Первые сибирские города появились практически одновременно с американскими: Тобольск (1587 г.), Сургут (1594 г.), Томск (1604 г.) и Красноярск (1628 г.) немного старше Джеймстауна (1607 г.), Нью-Йорка (1624 г.) и Бостона (1630 г.). Русская Сибирь по сути сопоставима в общих чертах стала такой же колонией поселенцев, как Новая Англия, Квебек, Австралия и Новая Зеландия [24].

За время российской колонизации XVI–XVII вв. были присоединены многие народы и государства Поволжья и Сибири: Астраханское ханство в 1556 г., Казанское ханство в 1552 г., а в 1582 г. положили конец Сибирскому ханству. К 1610 г. русские колонизаторы захватили Пегую орду и дошли до реки Енисей, а уже к концу XVII в. Москва покорила все земли вплоть до Берингова пролива.

Характер российской колонизации вытекал из развития, появления новых мануфактур и промысловых хозяйств, заселения восточных окраин в Поволжье, Приуралье и Западной Сибири, что в свою очередь привело к росту городов, развития промышленности и торговли. Для этого всего нужны было увеличение поступления сырья в страну из природных запасов на своей территории, без участия европейских держав в их поставке. Продвижение русских на восток стало закономерным результатом экономического возвышения России во второй половине XVII в. Определяющим в этом процессе стало развитие товарно-денежных отношений. Одним из основных ресурсов была пушнина, которой были богаты Сибирь и Дальний Восток, она требовалась не только царской казне, но и способствовала росту доходов купцов и промысловиков-добытчиков.

Рабочие и крестьяне видели возможность избавиться от гнета и своего унижительного положения. Поэтому значительную роль в освоении Дальнего Востока сыграло русское крестьянство, составлявшее основную массу переселенцев, надеявшихся получить избавление от крепостничества и получить собственную землю в свое пользование. Крестьянские потоки направлялись на не освоенную ранее землю.

Параллельно с задачей освоения Сибири государство пыталось решить другую. В сибирские города стали охотно ссылать уголовных преступников, участников народных восстаний, впоследствии и неугодных политических и революционных деятелей. Ссылные составили заметную часть оказавшихся за Уралом переселенцев, особенно в наименее благоприятных для жизни районах [3].

До XVII в. особо ценную пушнину Русскому государству в основном давали печорские и пермские земли, но к середине столетия они заметно «испромышлялись» [10]. С начала XVII в. возможности выгодной продажи пушнины резко возросли, так как были установлены прямые торговые связи с Западной Европой через Белое море, а включение в состав России всего волжского пути, после падения Казанского и Астраханского ханств, дало возможность вывозить русские товары непосредственно в страны Востока.

Богатства Сибири стали привлекать как промышленников и торговцев, так и постоянно усиливающееся государство. Увеличение мощи государства всегда связано с увеличением расходов, а пополнять государственную казну тогдашней России было особо не откуда. А Сибирь, в свою очередь, давала возможность перспективы успешной торговли и развития промышленности.

Потребность в драгоценной пушнине определялась не только развитием товарно-денежных отношений в стране, в это время складывался единый всероссийский рынок, но и необходимостью укрепления её экономики, подорванной интервенцией польско-литовских и шведских феодалов, султанской Турции и Крымского ханства. Разорительным было и страшное Смутное время.

Государство только начало возрождаться, набирая силу, ему нужны были денежные средства. Шкуры соболя были на вес золота. Его пушнина использовалась как основная валюта при заморской торговле. Русское царство снабжало мехами людей по всему миру.

Еще одной немаловажной предпосылкой освоения Сибири и Дальнего Востока была близость к восточным пределам России Индии и Китая, торговля с которыми сулила огромный доход казне. Так же, на этих землях надеялись найти месторождения драгоценных металлов: золота, серебра, которые еще не были найдены в России, но требовалось их все больше и больше. Деньги того времени были серебряными, а открытых месторождений в стране ещё не было и приходилось приобретать серебро за рубежом. Отсюда рос интерес царской администрации к рассказам о серебряных рудах и соболях далёкой восточной окраины. Немаловажное значение придавалось поиску соли.

Поэтому в планы освоения Сибири входило прочное закрепление на ее просторах. Для этого в сибирские города переводились пашенные крестьяне и казенные ремесленники.

Нерусские народы Европейской России влекло «За камень» стремление к лучшим условиям хозяйствования. В период XVII–XVIII вв. положение для масс было достаточно тяжелым: возрастали налоги, усиливался феодальный гнет, и все прочнее утверждалось крепостничество. Избавиться от угнетения всякого рода люди надеялись на новых землях.

Из ищущих лучшей доли и состоял основной поток вольных переселенцев. С течением времени он все более нарастал и постепенно превысил число тех, кто направлялся в Сибирь не по своей воле. Именно он в конечном итоге привел к ее прочному вхождению в состав Российского государства. Землепроходцы не только продвигали к океану и к Амуру восточную границу России, но и материально помогали удерживать и западный её рубеж [16].

Таким образом, успех российской колонизации обуславливался как внешними, так и внутренними факторами. Колонизация помогала простому народу избегать

феодалной зависимости, неравноправия и угнетения со стороны главенствующих сословий. В то же время она обеспечивала государство пополнением казны, мануфактурщиков сырьем как полезных ископаемых, так и леса, купцов и торговцев – ценной соболиной пушниной. Местные племена получали место в российском обществе, структурированную систему и сильного правителя в лице царя. По итогу, российская колонизация была выгодна как самому государству, высшим и низшим сословиям, так и местным покоренным племенам.

1.2 Путь в Китай

В современном представлении установление дипломатических контактов подразумевает под собой признание двумя и более государствами друг друга, а также постоянные межправительственные сообщения посредством посольств и консульств. Но в XVII в. не менее важной проблемой для государств была установление самого факта существования того или иного государства, так как эпоха географических открытий еще не была завершена полностью. В дипломатическом плане, как и в любое другое время, ничего не менялось и основные цели дипломатических контактов оставались неизменными на протяжении эпох: проблема раздела территорий, заключение военно-политических союзов, обеспечение безопасности границ. А в экономике XVII в. всю большую роль стала играть внешняя торговля между государствами, что также вызывало к жизни политические проблемы, связанные с обеспечением условий для ее развития [12].

Установление официальных задокументированных контактов между Россией и Цинской империей не выходило за рамки международных правил того времени. Однако, существовала особенность этих отношений, а именно, установлению официальных контактов и договоров предшествовал продолжительный промежуток контактов между государствами, не имевших официальных отношений между главами государств.

Первые контакты произошли между еще Минским Китаем и Царской Россией. Инициатива установления каких-либо отношений принадлежала Москве, и она же осуществила практические шаги в этом направлении в конце XVII в., но уже с Цинской династией.

Посылка первой миссии в Поднебесную была вызвана стремление Русского государя предотвратить возможность транзитной торговли европейских держав со странами Востока, в частности с Китаем, по суше. Появление реальной возможности подобраться к Минским границам была обеспечена успешными русско-монгольскими дипломатическими отношения, что позволило экспедиции успешно пройти через Западную Монголию напрямую в Китай.

Началом подготовки экспедиционной миссии можно считать завершение русско-английских переговоров в июле 1617 г., на которых посол Британской империи Джон Меррик настойчиво требовал разрешения для английской разведывательной миссии, организованной для поиска пути в Китай и Восточную Индию по суше. Но русское правительство вместо выдачи разрешения решило снарядить собственную такую экспедицию. Из направленного наказа об организации миссии тобольскому воеводе И. С. Куракину следует, что основная цель миссии носила познавательный-информационный характер: найти новые удачные и быстрые пути, собрать сведения о Китае и соседствующими ему странах, найти истоки реки Оби, а также разузнать о потерпевшем где-то у берегов Восточной Азии неизвестном корабле [12]. Дипломатическая же часть миссии имела самый общий характер: рассказать о себе, откуда прибыли и выяснить возможность дальнейших межгосударственных сношений.

Все это и определило полуофициальный характер экспедиции. Руководителем исследовательской миссии был назначен сибирский казак И. Петлин, чье служебное положение не было высоким даже для сибирской иерархии [12]. Однако, Петлин имел уже немалый служебный срок, а также в 1609 г. побывал с поручением у телеутского князя Абаку. Сам казак был грамотен, имел представление о географической составляющей своей страны, побывал во многих

городах России, а знание местных сибирских языков позволяло ему успешно справляться с должностью толмача, что в свою очередь выработало в нем определенные дипломатические навыки.

Кроме Петлина в состав миссии входило еще 11 человек. Никакого дипломатического ранга ни главе или кому-либо из участников миссии не было присвоено. Также не было выдано и никаких средств на представительство, а все ограничилось лишь минимальными расходами на снаряжение и продовольствие.

Успеху самой экспедиции и ее главной цели – установления прямых контактов с Китаем – способствовала активная поддержка этой акции русского правительства монгольской дипломатии. Правитель Западной Монголии Шолой Убаши-хунтайджи не только свободно пропусти экспедицию через свои владения, а также добавил к ней двух новых участников из своих людей: два буддийских ламы Биликту и Тархана, являвшимися опытными дипломатами [12]. Это обеспечило безопасность проезда русской экспедиции вплоть до китайской границы, ламы были как проводниками в пути, помощниками в сборе информации, знатоками в особенностях проведения китайской и монгольской посольских церемониях, а также являлись возможностью для поддержания общения между русской миссией и китайским двором.

Казаки добрались до столицы Китая 1.09.1618. Все путешествие из Томска до Пекина заняло 3 месяца и 22 дня. Это мероприятие значительно расширило знания о китайском государстве. Территории между границами Русского государства и Минской империи было заселено немногочисленными кочевыми монгольскими племенами, однако, оказалось, что за огромными землями, лежит огромная страна оседлой и высокоразвитой цивилизации. Интересно отметить, как ранее считалось, что раз Китай обнесен «кирпичной стеной», то «потому можно знать, что местно невеликое» и территории им занимаемые были незначительны. Теперь же был получен целый комплекс достоверных и новых знаний об этих землях [12].

Увиденное в Китае, наблюдательный и точный ум опытных казаков довольно близко переводил из китайской меры в русскую систему измерений. Так они описывали первый встреченный китайский город «высок и хорош и мудрен делом, а башни, а башни так же, что московские, высоки» [12]. Одной из отличительных черт привезенных казаками записей было полное отсутствие каких-либо потрясений от увиденного, будто они ходили не по китайскому городу, а посещали ближайший с Томском город, настолько были практичны и обильны аналоги. Это может ярко свидетельствовать о том, что произошел контакт равных цивилизаций.

В Китае еще во времена минского императора Чжу Ицзюня уже происходило знакомство с европейцами – с купцами и мореплавателями, и католическими миссионерами. Поэтому прибытие казаков в Пекин совершенно не являлось каким-то исключительным событием, тем более не произошло никакой сенсации от открытия существования Русского государства.

Приезд иностранцев был зафиксирован китайской «Палатой по приему иностранных гостей», которая была в подчинении Приказа церемоний, чиновники которого, согласно правилам обычаям, отвели казака Петлина и его братьев в специально место – «поставили их на большом на посольском дворе». Они находились здесь, когда к ним прибыл «посольский дьяк», как его именуют в русских источниках. Это было высокопоставленное лицо, так как его сопровождало «200 человек на ишенках, а люди нарядны» [12]. Вся беседа была обставлена пышно, согласно китайским традициям, а сам китайский чиновник заявил, что прибыл сюда от имени императора, чтобы спросить гостей для чего они приехали в Китай.

Вопрос о цели визита российских казаков означал многое для Китайского правительства. Китайская империя является, в глазах китайцев и самого императора, Средним государством, что означает с точки зрения китайского императора правление и власть над всем миром. Поэтому вступить в дипломатические контакты можно было лишь после объявления себя,

привезшими дань императорскому двору. Поэтому, как и было принято, русскую экспедицию и встречали как посольство, прибывшее в Китай с данью. Дипломаты из китайского аппарата власти пытались выяснить истинную цель визита чужестранцев, однако казус ситуации состоял в том, что четкой сформулированной цели дипломатической миссии у экспедиции попросту не существовало даже у самих казаков.

Немаловажным для Минского двора было понимание того, откуда русские казаки представляли ли они угрозу наряду с усиливающимся маньчжурским государством, с которым уже велась борьба, а также продолжавшиеся набеги монгольских кочевников. В момент прибытия экспедиции уже велась на северо-востоке против маньчжурского государства, так и продолжавшиеся набеги монгольских кочевников, которые уже стали сами опасаться усиливающихся маньчжуров. Пекинская дипломатия была нацелена на ослабления «северных» варваров в борьбе друг с другом, поэтому появившиеся русские казаки должны были быть втянуты в традиционную китайскую политику по поддержанию баланса за Великой стеной [12].

Исходя из этого, традиционная церемония представления послов императору, «отдаривание» и прочие элементы, с точки зрения китайской дипломатии могли являться первыми шагами к установлению союзнических отношений, и в этой системе не существовало никаких исключений. С соблюдением всех этих требований миссия имела цель как таковую, и послы миссии могли иметь аудиенцию у императора. Цель русской миссии носила лишь информационно-разведывательный характер и совершенно не соответствовала китайским обычаям. Поэтому, когда китайские дипломаты выяснили цель приезда русских казаков в Китай, «великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси прислал нас в Китайское государство проведать и царя видеть», то их сразу же стали готовить к представлению перед императором. А узнав, что Петлину и его спутникам «идти ко царю не с чем», ведущий разговоры с ними китайский дипломат немедля уточнил: «А у нас де в Китайском государстве чин

таков: без поминков пред царя нашево Тайбуна не ходят» [12]. После этих слов о личном приеме у императора не могло быть и речи. И. Петлин был, конечно, раздосадован, что из-за скупости своих властей, они не могут в полной мере воспользоваться своим положением и установить дипломатический контакт как это подобает по правилам того времени. Однако, лидер экспедиции и представить себе не мог, что будь у них эти «поминки», дары дипломатической вежливости и уважения, были бы превращены усилиями китайских чиновников и традиций в знак унижения и становления данников перед Минской династией всего государства Российского.

На все это казаки смогли дать дипломатичный ответ, чтобы сохранить свое достоинство перед китайским чиновников. Они сообщили, что были посланы не самим царем, а всего лишь местными руководителями «проведывать про великое Китайское государство, и с ними грамот и поминков нет, а будет великого государства нашего государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа России в вашем великому государю послы нарочно, и грамоты и дары с ними будут» [12]. По-видимому, такой ответ удовлетворил китайского чиновника, так как он добавил, что император вручит им грамоту для их государя.

В ходе переговоров стороны обменялись информацией. Русские получили полную информацию о географическом расположении Пекина, о торговле с другими государствами по соседству, а также о борьбе с маньчжурами. Была получена информация о реке Обь от китайской стороны, а также о торговле с европейцами по морю каждый год. В конце переговоров казакам была вручена грамот, которая разрешала русским вновь приходить с посольствами в Китай и вести торговлю на его территории, а дальнейшие политические связи предполагалась поддерживать по переписке. Уже в мае 1619 г. Русская миссия возвратилась в Томск, а затем глава экспедиции был направлен в Москву с докладом.

Резюмируя можно сказать, что Российское государство вело активное развитие и расширение на Восток, отстаивая свои интересы на Западе. Государство

увеличивало свои денежные запасы благодаря богатству необжитых земель, появлялись новые ресурсы и сырье для развития мануфактурного производства, увеличивалась торговля с соседними государствами, параллельно формировался единый российский рынок. Строились и развивались города далеко за Уральскими горами, насильственно или добровольно присоединялись, принимали подданство и ассимилировались многочисленные местные кочевые народы. Интенсивная колонизация сохраняла конкурентные позиции Российского государства как в торговле, так и в военном плане. Был найден наземный путь в Китай через Западную Монголию, установлен первый контакт с китайским государством, однако он не нес официального дипломатического характера. В целом, первый контакт имел колоссальное значение для европейской науки нежели для отечественной, в течение XVII–XVIII вв. «Роспись» выдержала семь иностранных изданий [12]. В то время после возвращения экспедиции о походе благополучно забыли на несколько десятилетий, и сам поход не стал стимулом для продолжения установления межгосударственных отношений, хоть самих участников экспедиции и оградил щедрыми наградами. В дальнейшем для русской дипломатии этот опыт был бесследно утерян, и России пришлось с нуля формировать отношения с Китаем. К счастью, в Китае произошла смена власти и там также благополучно забыли о русских казаках и грамотах минских императоров московским царям.

2 СТАНОВЛЕНИЕ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ

Установлением контактов и политических отношений с Российской империи выпало на плечи Цинскому Китаю. К моменту первого контакта с русскими колонизаторами маньчжурская власть еще не установила полный контроль над всей территорией Китая, но уже стала главенствующей и правящей силой основной части Китая, получила мандат Неба, означавший полноправную легитимную власть над всем миром, и установила свою правящую династию. Но перед установлением своей государственности в Поднебесной, маньчжурским ханам предстояло совершить многое еще на своей родной территории перед захватом и объединением Китая.

На момент краха династии Мин, предшествовавшей династии Цин, страна была в колоссальном упадке: гнет крестьянства всеми слоями общества, не сопоставимый с жизнью, крах феодальной системы, распространение и поощрение взяточничества в бюрократической системе; отстраненность императоров от государственной деятельности; вседозволенность и бесчинство евнухов; постоянная борьба за власть в высшем аппарате власти; разорение деревень; стихийные бедствия; голод и эпидемии; набеги соседних маньчжуров; растущие грабежи и мародерства среди населения [8]. Все это, в конечном счете, привело к Крестьянской войне 1628–1647 гг., чем впоследствии и воспользовались маньчжуры для захвата Китая.

2.1 Крестьянская война

Крестьянская война является причиной, по которой в будущем с усиливающейся на Амуре Российским государством, пришлось иметь дело не Минскому Китаю, а уже цинскому правительству. Крестьянские восстания начались в северной части страны в провинции Шэньси, где крестьянское население было в самых нищенских условиях, постоянно неся потери от неурожаев и эпидемий. Отправной точкой для начала восстания можно считать убийство недовольными крестьянами во главе с Ван Эрм начальника уезда Чэнчэна Чжана Доуяо, который при всех проблемах местного люда, продолжал обирать их налогами, не заботясь умрут или нет его подчиненные [17]. Затем восставшие ушли в горы, собрали других недовольных крестьян и беглых солдат, разбили карательные правительственные войска и развернули свою активность на территории между городами Пучен, Ханьчэн и Ицзюнь.

Крестьяне в других провинциях незамедлительно присоединились к повстанцам, и само восстание молниеносно распространилось на севере Китая подобно пожару: в Аньсани повстанцев возглавил Гао Инсян, в Ичуане и Уху – Ван Цзюгуа, также известный как Ван Чжицзюэ, а также в других городах со своими лидерами [17]. За 2 г. восстания охватили провинции Шаньси, Ганьсу и Сычуань. Основную массу восставших составляли обедневшие крестьяне, которым было нечего терять. К восставшим также присоединились жестоко угнетавшиеся военнoслужачие и уволенные курьеры.

Часть разорившихся крестьян была вынуждена идти в армию. Однако и здесь положение простых солдат было бедственным. Несмотря на то, что военные расходы в северной части Китая постоянно увеличивались в связи с постоянными военными действиями против маньчжуров, большая часть средств присваивалась и делилась между евнухами, чиновниками и военачальниками. Простым же солдатам жалование не выплачивалось вплоть до полутора лет [17]. У солдат не хватало средств на существование и им приходилось продавать свое вооружение,

детей и жен. Помимо этого, они еще и эксплуатировались военачальниками как бесплатная рабочая сила, для них существовали различные жестокие повинности, осуществлялось жестокое обращение со стороны высшего руководства. Также как и крестьяне, не имея другого выхода, воины поднимались на борьбу против угнетателей вместе с крестьянами.

Во времена осады маньчжурами Пекина, Минские власти вызвали с северных районов на помощь местные гарнизоны. Солдаты по пути к столице взбунтовались и примкнули к крестьянским сопротивленческим войскам. Одним из этих солдат был Ли Цзычэн, в дальнейшем ставший лидером крестьянского движения. В начале крестьянские подразделения действовали поодиночке, не имели четкого организованного руководства, постоянно учиняя разгромы по пути своего движения в поисках провианта. Постепенно полевые командиры подчинились и приняли руководство военачальника с самым сильным войском - Вана Цзяиня.

Минское правительство, после массовых восстаний, стало применять 2 метода для борьбы с повстанцами: обман крестьян и жестокие показательные казни, разгром войска противника на поле боя. Тяжелые потери несли обе стороны. Погибло много повстанческих военачальников, в том числе Ван Цзяин и Гао Инсян. Однако, несмотря на все попытки подавить восстание, судьба правительственной армии и закат династии Мин уже были предрешены.

Постоянные военные действия, а также поражения то той, то другой стороны, особо не приносили никакого результата в сложившейся ситуации. В свободное от борьбы время будущий лидер повстанческого движения Ли Цзычэн упражнялся в военном деле и читал книги. Все это помогало ему анализировать сложившуюся ситуацию в стране и проводить разбор прошлых сражений. Как результат, он выдвинул четкую цель и требование всего повстанческого движения – свергнуть тираническое господство Минской власти, установить новую власть и поменять положение дел в стране в пользу народа. Повстанческое движение приняло новый характер. Впоследствии любой занятый населенный пункт

превращался в опорную базу сопротивления, местное население избавлялось от налогов, происходило дисциплинирование войска, запрет грабежей и убийств на занятых территориях. С повсеместными крестьянскими восстаниями помещики, которые все время были против бунтующих, были вынуждены сдаваться, капитулировать, а затем и присоединяться к повстанцам [17]. Все это помогало как крестьянскому движению, так и помогало формировать портрет Ли Цзычэна, характеризуя его лидерские качества, воспринимался как спаситель угнетенных. С этого момента начинается новый этап повстанческого движения – этап установления власти.

В 1642 г. Ли Цзычэн занял Сяньян и начал заниматься подготовкой создания нового аппарата власти. В 1644 г. он официально установил свою власть, а новообразованное государство назвал Да Шунь. В аппарате власти появились должности секретарей Государственного совета и шести министров, отчеканена новая монета [17]. Через 3 месяца повстанческие власти вошли в Пекин, действовавший император повесился. Таким образом, основная часть Крестьянской войны была завершена и цели ее выполнены – тираны в лице династии Мин были окончательно свергнуты.

Но положение государства Да Шунь было хрупким. С севера большую опасность представляли все набирающие мощь и возможности маньчжуры, на юге сохранялись лояльные свергнутой династии войска и богатые люди. Лидеры бывшего повстанческого движения были все же неопытными, им было сложно ориентироваться в условиях постоянного изменения ситуации, у них не было политической дальновидности и изворотливости, свойственной высококвалифицированным политикам. А вскоре и У Саньгуй, имевший значительный по силе гарнизон у Великой стены и защищавший проходы от маньчжуров, дал отказ на все призывы капитуляции со стороны нового правительства, призвал маньчжуров на борьбу с захватчиками и переметнулся на их сторону.

С этого момента у повстанческого движения и крестьянства появилось 2 основных задачи – борьба с захватчиками и уничтожение остатков правительственных войск.

Таким образом, положение Китая в XVII в. было следующим: в стране происходил кризис правящей династии, происходило угнетение крестьянского населения, что стало поводом для массовых крестьянских вооруженных выступлений. Страна погрязла на полтора десятилетия в жестокой войне, и лишь в последние годы под флагами восставших появился лидер, который смог скоординировать и направить свои войска на свержение правящей династии. Как итог для дальнейших русско-китайских отношений, экспедиция Петлина прибыла в Китай еще до периода Крестьянской войны, следовательно, опыт такой экспедиции в дальнейшем не мог быть использован для установления дипломатических отношений, так как после восстания был сформирован совершенно другой Китай, с другой династией и даже этнической элитой.

2.2 Образование маньчжурского государства и захват Китая

В конце XVI в. над Китаем нависла угроза со стороны Маньчжурии. Усиление маньчжуров, впоследствии основавшие Цинскую империю, происходит задолго до падения Минской династии. Маньчжуры были опытными коневодами, изготавливали оружие из железа отличного качества, огромную роль в их хозяйстве играл рабский труд. В то время здесь правили многочисленные вожди, именовавшими себя ханами, князьями, между которыми постоянно велась борьба за власть, ресурсы и рабов. Одним из таких вождей был будущий основатель Маньчжурского государства – Нурхацы. Нурхацы происходил из богатого рода Тун, являясь правителем небольшого города-крепости. Тем не менее, он претендовал на родство с чжурчжэнской династией Цзинь, правившей на севере Китая и Внутренней Монголии в 1115–1234 гг. [14]. Поэтому свою фамилию он объявил «Золотым родом», подчеркивая свое царское происхождение от империи

Цзинь. Ему принадлежала небольшая территория во владение под названием Маньчжоу. Нурхацци был одаренным политиком и военачальником. Вождей соседних племен всемерно привлекал на свою сторону: в ход шли щедрые подарки, пиры длиною в несколько дней, а также заключение межклановых брачных союзов. Все это позволило ему, в итоге, создать сильное прочное государство, представлявшее угрозу всем соседям.

В 1585–1589 гг. Нурхацци подчинил своих непосредственных соседей, племена округа Цзяньчжоу, объединив их под знаменем Маньчжоу. В общей сложности за два десятилетия с 1593 по 1614 гг. маньчжуры совершили около 20 военных экспедиций по расширению и присоединению соседей. Побежденные переходили на сторону победителя. Помимо захвата территорий, в Маньчжоу вводилось огромное количество людских ресурсов для пополнения и наращивания армия, а также для увеличения рабского населения. В 1589 г. Нурхацци провозгласил себя ваном, в 1596 г. ваном государства Цзяньчжоу. А его союзники в лице восточномонгольских князей даровали ему титул хана, что сравнимо с титулом императора в Китае. В 1616 г. Нурхацци провозгласил себя монархом новосозданного государства. Приняв титул хана и императора, он основал династию Поздняя Цзинь, а девиз выбрал Мандат Неба, что фактически даровало ему власть над всем земным царством [14].

По мере расширения своих владений, Нурхацци все постепенно приближался к китайской границе. Минский Китай также стал вести борьбу против маньчжурских племен, которые не находились под властью Нурхацци. Это создавало напряжение между двумя государствами, постоянно нарушались границы, происходил безрезультатный обмен письменными протестами. В 1618 г. Нурхацци совершает нападение на Китай. Поводом для вторжения стали убийство его отца и деда, маньчжурских послов и несоблюдение границ. 20 000 армия маньчжуров вторглась на Ляодун, захватила несколько городов и крепостей, которые были полностью разрушены, а местное население отправлено в Маньчжоу. В ответ на это китайские правители выставили хорошо вооруженную

200 000 армию против 50 000 маньчжуров. Казалось бы, такой перевес со стороны Китая не оставил бы шанса маньчжурам, и их армия была бы разбита. Но Нурхацы спасло бездарность и неопытность минских военачальников. Они разделили свою грозную армию на несколько отрядов, что позволило Нурхацы без труда разгромить 3 корпуса, а последний отряд смог сбежать, тем самым сохранив себе жизнь. Такой расклад позволил Нурхацы еще дальше продолжить свой победоносный поход на Ляодун.

Минские власти поспешно сменили тактику, восстановили старый гарнизон, укрепили линию обороны. Во главе армии был поставлен талантливый военачальник, но в результате дворцовых интриг он был смещен, а на его место поставлен очередной неспособный руководитель. Воспользовавшись этим, Нурхацы вторгся вновь в Ляодун, разбил китайские войска, взял крепость Мукден и перенес в него свою столицу.

В 1626 г. Нурхацы умер, и его место занял его сын Абахай, который завершил объединение местных племен под своими знаменами. Абахай продолжил поход на Китай, в Ляодун, но, не достигнув никакого результата, изменяет направление завоевательной политики в сторону Кореи. В 1627 г. маньчжуры вторглись в Корею, осуществляя массовые грабежи и убийства. Корейскому правителю ничего не оставалось как сдаться и подчиниться завоевателям. Он обязался уплатить дань и наладить торговлю с Маньчжурией.

Дальнейшие военные действия в сторону стороны Ляоси были невозможны, в виду его хорошей укрепленности и неприступности. Для этого маньчжурам требовалось завоевать территории Северного Китая, которое было невозможным без подчинения Южной Монголии. Для успешной интеграции монгольских ханов еще Нурхацы разбивал отдельные силы местных вождей, не давая им возможности объединиться. Этой политики придерживался и его сын Абахай. Для привлечения монгольских ханов он заключал родственные браки и клятвенные союзы между монголами и маньчжурами, присваивал титулы и награды, оказывал военную помощь одним ханам против других [14]. Таким образом, маньчжуры

получили не только плацдарм для успешного нападения на Северный Китай, но также значительное увеличение войска монгольскими конными подразделениями. И уже в 1629 г. Абахай успешно обошел Ляоси и подошел к стенам Пекина. После его разграбления маньчжуры удалились обратно.

Помимо постоянных военных действий Абахай регулярно занимался внутренним укреплением своего государства. Для подготовки будущего чиновничества и профессиональных военачальников в 1629 г. была введена китайская экзаменационная система. Был создан Секретариат, ведущий государственное делопроизводство, позднее в 1631 г. была создана система шести министерств, также по минскому образцу. Формируя государственный аппарат по китайскому образцу, Абахай предоставлял на ряд должностей минских чиновников-перебежчиков и активно пользовался их советами и рекомендациями [14]. Для укрепления и сохранения дисциплины создавались воинские «знамена», основанные на определенном этническом составе, так были созданы монгольские, китайские, маньчжурские «знамена». После разгрома чахарских племен Абахай завладел монгольской печатью династии Юань. В 1636 г. Абахай торжественно принял титулы императора и богдохана, что формально наделяло его правами на законное наследование династии Юань и становление повелителем всей Монголии. В этом же году был создан Верховный контрольный орган [14]. К этому году сформировалась и укрепилась стабильная государственная система с бюрократическим аппаратом и сильной армией. Была развита практика поощрений одаренных и отважных воинов, показавших высокие результаты на поле боя. И к моменту начала войны с Китаем маньчжурская армия была в полной боеготовности.

Минская династия в то время испытывала глубокий кризис. Император, его окружении и евнухи постоянно видели измены, не доверяли военным руководителям и учиняли множество несправедливых казней. Все это не оставляло выбора для минских военачальников и чиновников, им приходилось капитулировать и переходить на сторону маньчжуром или повстанческих войск

во главе с Ли Цзычэном, тем самым ослабляя Минский Китай и усиливая как северного врага, так и крестьянское движение.

Располагая могучей армией, Абахай предпринимает второй успешный поход против Кореи. В 1637 г. Корея была вынуждена сдаться, покориться захватчикам и разорвать все отношения с империей Мин. В течение последующих 5 лет маньчжуры успешно совершали набеги на Китай, захватили Пекин и продвинулись далеко на юг, побеждая по пути минские войска. В общей сложности после присоединения Южной Монголии было совершено порядка восьми набегов на Китай, разгромлено и уничтожено более ста пятидесяти городов, на территорию маньчжурского государства было переселено около миллиона китайцев, часть из которых становилась рабами, а другая часть пополняло знаменное войско [14]. В 1643 г. Абахай умер, его сын был провозглашен императором под регентством его дяди Доргоня и Цзиргалана, однако Доргонь впоследствии начал единоличное правление.

Минскую империю с севера у Великой стены прикрывала сильная и боеспособная Восточная армия У Саньгуя. Данное объединение активно пополнялась благодаря бежавшим минским солдатам и военачальникам после захвата повстанцами Пекина. Повстанческие силы различными методами добивались капитуляции армии У Саньгуя и признания новой власти под руководством династии Да Шунь. В итоге У Саньгуй оказался между двух огней. С одной стороны, он никак не мог поддержать крестьянское движение, так как это могло бы привести к окончательному поражению остатков минских чиновников армии. С другой, принятие помощи со стороны маньчжурского государства привело бы к установлению власти с их стороны. В итоге У Саньгуй, готовясь отразить нападение основных сил Ли Цзычэна, в 1644 г., стал вести переговоры с маньчжурами о военном союзе [14].

По началу Доргонь не воспринимал предложение У Саньгуя в серьез, видя в этом некий обман и ловушку. Послам У Саньгуя пришлось 8 раз ездить к Доргоню с огромными дарами и предложением союза, но им пришлось вернуться

ни с чем. Доргонь рассматривал два варианта развития событий. Согласно первому уничтожение династии Мин и образование новой Да Шунь могло прекратить набеги китайцев на северные территории, что позволит обезопасить владения маньчжуров. Вторым вариантом предполагал военный союз с У Саньгуем, тем самым открывая возможность для успешной военной экспедиции в Китай. Поэтому, когда минский военачальник, напуганный приближением армии врага, сам явился в ставку Доргоня, то маньчжуры приняли его как желанного гостя и потенциального союзника [14]. После достижения соглашения о помощи, У Саньгуй принес клятву верности малолетнему императору Фулиню, а в знак перехода под цинское подданство обрил голову спереди и совершил ритуальное жертвоприношение, после чего он заслужил некое доверие со стороны Цинской знати. К этому времени крестьянская армия уже успела разбить укрепление У Саньгуя, оставленное им на защиту Великой Стены, и проникнуть за стену, где они были разбиты у прохода Ипяньши превосходящими силами Доргоня. После этой победы силы Доргоня двинулись на Шайханьгуань, к которому с юга подходили основные силы Ли Цзычэна.

27.05.1644 состоялось финальное сражение у Великой стены. В первые часы битвы перевес был на стороне Ли Цзычэна, но затем в тылу повстанческой армии появилась маньчжурская панцирная конница и нанесла сокрушительный удар [14].

Побежденные повстанцы отходили к Пекину, попутно предлагая договориться с У Саньгуем о переходе на сторону повстанцев. Боясь быть зажатыми и уничтоженными в столице, командующие крестьянской армии решили сдать ее без боя и использовать, до этого успешную, тактику маневренной войны. У Саньгуй захватил наследника минского престола от Ли Цзычэна и намеревался посадить его в Пекине на трон. Он шел в авангарде армии и надеялся первым войти в императорский дворец, но Доргонь приказал ему преследовать повстанческую армию и продолжать борьбу. Тем временем, маньчжуры вторглись в Пекин и захватили дворец. Неожиданным это было не только для крестьяно-

ремесленного слоя, но и для чиновничьего слоя населения столицы, что «северные варвары» укрепились в замке вместе со своим князем-регентом [14]. Постепенно в Пекин стягивались все больше «знаменных» войск, цинские войска захватили всю столицу, усилили повсюду охрану, попутно выселяя китайцев из Внутреннего города. Всем жителям было приказано обрить головы в знак повиновения захватчикам. Князь Доргонь объявил о переносе столицы Цинской империи из Мукдена в Пекин, малолетний император Фулинь переехал на покоренные земли. Для местного населения Доргонь объяснял свое вторжение как спасение подданных китайской империи от разбойничьих действий повстанцев под предводительством Ли Цзычэна. По словам завоевателей, Цин не завоевывает, а освобождает Китай, предоставляя своего богдыхана вместо лишившейся своего императора Минской династии. Для этого 30.10.1644 молодой маньчжурский император был привезен в Пекин и повторно провозглашен императором всех захваченных земель ниже Великой стены [14]. С этого момента установление маньчжурами своей власти над Китаем можно считать окончательным и дальнейшие действия были направлены на подавление очагов сопротивления крестьянской армии или остатков минских войск.

Таким образом, установление Цинской власти над Поднебесной заняло продолжительный период. На начальном этапе происходит образование и укрепление Маньчжурского государства на территории Маньчжоу, а Минское государство испытывает глубокий кризис, осложненный волной крестьянских восстаний. Захват основной части Северного Китая не составил большого труда для маньчжуров, поскольку значительную часть их войск составили китайцы-перебежчики. Минские же войска на момент маньчжурского вторжения оказались измотаны подавлением крестьянских волнений. Что касается повстанческой армии, то она была плохо организована и не профессиональна. Все эти факторы обеспечили минимальные потери со стороны «знаменных» войск. На захваченной территории «северные» варвары проводили политику ассимиляции с местным населением. Если раньше маньчжуры относились к китайцам как к рабам, то

теперь они рассматривали ханьцев как своих подданных. Однако если это справедливо для Северного Китая, то на юге ситуация складывалась по-иному [14]. Захват Южного Китая длился несколько десятилетий, маньчжурские войска несли тяжелые потери. Причиной этого были многочисленность населения, значительная площадь территории Китайской империи и удаленность южных районов. Тем не менее, Цинам удалось основать свою династию и обеспечить контроль над Китаем. Именно с этим государством связано первоначальное установление дипломатических отношений между Россией и Китаем.

3 РУССКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Российская дипломатия XVII в. имела все характерные черты присущие странам того времени: заключение военных союзов и торговых договоров, ведение торговли с соседями, обмен посольствами с равными государствами. Основные направления Российской дипломатии были направлены на возвращение своих западных земель в ходе Смуты и польской интервенции, получение выхода к Балтийскому морю в борьбе со Швецией, оборона страны от набегов крымских татар. На Восточном направлении основной задачей было исследование, разведка, освоение и присоединение необжитых земель Урала, Сибири и Дальнего Востока. Сама же дипломатия, ее ведение и формы для Российского государства не меняли своей формы [18].

Маньчжуры, ко времени захвата Китая, имели хорошо развитую дипломатию и уже на протяжении полувека успешно решали многие внешнеполитические задачи. Причем за этот короткий промежуток времени дипломатические методы эволюционировали параллельно с усилением Цинского государства: из оборонительных, защитных принципов трансформировались в значительную силу, повлиявшую на исход в сокрушении Минского Китая [12].

Такие успехи объясняются полным заимствованием и использованием традиционных китайских дипломатических методов. Ключевую роль здесь сыграло огромное количество захваченных в плен или перешедших на сторону маньчжуров китайских чиновников и военачальников. Дальнейшее развитие происходило уже после захвата маньчжурами власти и основания своей династии.

Традиционность китайской дипломатии основывалась на следующих способах и принципах:

- 1) демонстрации своим соседям вынужденного характера начала военных действий;
- 2) заключение междинастийных браков с правителями соседних государств;
- 3) теоретическая основа китайской дипломатии вырабатывалась и формировалась под влиянием различных философских школ;
- 4) моноцентристская концепция управления Поднебесной, где император являлся Сыном Неба, и все земли принадлежали ему, и вырабатывание последовавшей этому системы «Китай – варвары»;
- 5) стратагемность – военная хитрость или действие, которое вводит в заблуждение противника [12].

Поэтому к моменту установления дипломатических отношений с Российским государством Цинская дипломатия представляла собой симбиоз маньчжурской и китайской дипломатий: маньчжурская – по целям и задачам, китайская – по формам, методам и средствам [12].

3.1 Освоение Приамурья и контакты с маньчжурами до подписания первого договора

В конце XVI в. русские землепроходцы присоединили к Русскому государству огромные территории Западной Сибири. В XVII в. началось освоение русскими людьми Восточной Сибири. Основывались новые остроги, служившие опорными пунктами русской власти. В 1632 г. был основан Якутский острог на реке Лене, в 1635 г. возник Олёкминский острог и ряд других [5]. Якутский острог стал центром, из которого на север, восток и юг отправлялись экспедиции русских землепроходцев.

Одна из таких экспедиций, состоящая из казаков под предводительством И. Ю. Москвитина, была отправлена в 1638 г. из Бутальского зимовья. Участники

этого похода были первыми русскими людьми, достигшие Тихого океана. Ими обследован 600-километровый участок побережья Охотского моря и принято подданство местного населения, в результате которого в казну было привезено 440 соболиных шкур, взятых в качестве ясака [9].

Затем последовала экспедиция под предводительством В. Д. Пояркова на юг, в Приамурье. Целью экспедиции стал поиск плодородных земель, поскольку новые владения Русского государства испытывали нехватку хлеба, который до этого приходилось привозить из Западной Сибири или Урала. Отряд Пояркова обнаружил независимые и неизвестные до этого народы дючеров, ачанов и нивхов, которые приняли русское подданство и передали 480 соболиных шкур в качестве ясака. По возвращении экспедиция рассказывала о плодородии и богатстве приамурских краев.

Для укрепления своего положения в приамурском регионе была снаряжена в 1649 г. миссия под предводительством Е. П. Хабарова. От якутского воеводы Францбекова ему был прочтен приказ приводить местное население в русское подданство мирными средствами [5].

Даруские городки, попадавшие казакам на их пути, оказались полупустыми, местное население бежало, прослышав о подходе вооруженных людей. Опасения местных жителей, как выяснил лидер экспедиции, были вызваны периодическими набегами вооруженных отрядов «князя Богдохая», то есть маньчжурского хана, постоянно совершавшего набеги для пополнения людских ресурсов своего государства.

Предполагая столкновение с маньчжурскими войсками, Хабаров оставил своих людей на Амуре, а сам отправился в Якутский острог за подкреплением, поскольку его отряд не был снаряжен для военных действий. В Якутске Хабаров подтвердил данные прошлой экспедиции, а также поделился об угрозе столкновения с войсками хана. Ему удалось набрать 117 добровольцев, а также получить от воеводы Францбекова 20 служилых людей, три пушки, пороху и свинца [5]. Не имея представления, что маньчжуры к этому времени уже

захватили часть Китая, Францбеков отдал приказ Хабарову предложить «князю Богдою» принять подданство от русского государства [20].

Осенью 1651 г. Хабаров с пополнением прибыл к своему отряду на Амур, где укрепился в даурском городке, принадлежавшем князю Албазе. Весной 1651 г. он сообщил, после даурских расспросных речей, что князя Богдоя нет, а есть только царь Алака-Батура-хана. Поскольку наместником в этих землях был некий Шамшакан, то было принято решение направить посольство к нему [20]. Посольство должен был возглавить Т. Е. Чечигин, которому была дана наказная память и грамота для Шамшакана. В ней предлагалось мирное вхождение в вассальную зависимость от Российского государства. К сожалению, посольская миссия погибла в дороге осенью 1653 г.

В то же время Хабаров основал на Амуре острог «в угожем месте, под волоком, где переходить русским людям пешею ногою только два дня», и назвал его Албазином. Данный топоним, возможно, восходит к измененному имени даурского городка на русский манер [6]. Затем в июле 1651 г. казаки поплыли вниз по Амуру, где произошло военное столкновение с местным князем Гуйгударом, отказавшегося платить ясак. Отряд продолжил свое путешествие вниз по Амуру, попутно собирая ясак с дауров и дючеров. Осенью 1651 г. казаки высадились на левом берегу Амура и построили небольшое укрепленное поселение, назвав его Ачанским.

В марте 1652 г. неожиданно произошло нападение цинского войска из 600 человек при поддержке 1500 дауров и дючеров на отряд Хабарова. Сражение длилось целый день, и когда цинские войска смогли разрушить часть деревянной стены, окружавшей Ачанский городок, казаки произвели смелую вылазку и отбили у маньчжурских войск две пушки. Не выдержав ближнего боя с казаками, цинские войска разбежались, причем нескольким удалось попасться в плен к русским [5].

От одного из плененных, китайца по национальности, Хабаров узнал, что помимо «Богдойской земли», что являлась Южная Маньчжурия, существует

также «Никанская земля», непосредственно сам Китай, и что маньчжурский хан воюет в пределах никанской земли и ясака никому не платит [5]. Но ни лидер экспедиции, ни якутские воеводы, ни московское правительство вместе с царем Алексеем Михайловичем никак не связывали эти земли с Китаем.

В Москве было решено помочь отряду Хабарова в борьбе с «богдойскими людьми», прислать помощь и необходимые припасы. В 1653 г. на Амур прибыл посланный из Москвы Д. И. Зиновьев, привезший казакам награды и жалованье, а также численную помощь в размере 150 человек. Самому Зиновьеву было поручено разузнать про Китайское государство, а также как далеко оно отстоит от даурских и Приамурских земель. Однако, ни дауры, ни участники экспедиции ничего не могли сказать конкретного по этому поводу [5].

По приезде Зиновьева вместе с Хабаровым обратно в Москву, было принято решение создать новое воеводство в Приамурье и назначить воеводой А. Ф. Пашкова, приказав ему выяснить «сколь далече от Богдойской земли до Никанского царства, и сухой ли путь степью, горами или водою, и коими реками; и про Китайское и про Индейское государства даурские и иные какие люди ведают ли, и сколь далече Китайское и Индейское государства от Даурския земли и от Богдойского, от Никанского государства» [13].

К середине XVII в. русское правительство пришло к выводу о необходимости установления дипломатических отношений между Русским и Китайским государствами. Хотя русское правительство и не представляло, где от Приамурья находится Китай, зато ему хорошо был известен путь из Сибири через Западную Монголию. Для решения этого вопроса 25.06.1654 был отправлен русский посол Ф. И. Байков. И лишь 3.03.1656 караван Байкова вступил в Пекин, потратив на весь путь два года [5].

Отношения между русским посольством и цинскими чиновниками не заладились с первого дня: Байков отказался становиться на колени и кланяться при въезде в Пекин, заявив, что кланяться будет только перед «царем»; русский посол отказался отдавать «поминки» до передачи Китайскому императору

грамоты от русского царя. Как результат «поминки» были отняты цинскими властями силой, на что последовало возмущение Байкова: «Прислан де я от великого государя к вашему царю не для того, что нам государева казна грабить». В ответ цинские власти сообщили, что не грабят его, а забирают «поминки» по «цареву указу» [20].

Также цинская сторона потребовала ответа у Байкова, «что он, Федор, прислан от великого государя в послех, а з другую де сторону ево ж, китайского царя, земли великого государя люди воюют?» [20]. Велась речь о столкновениях между казаками и маньчжурскими войсками на Приамурье, но Байков, не знавший о притязаниях Цинской империи на Приамурский регион, а также не относя «богдойских людей» с Китайской империей, смог лишь ответить, что казаки на Приамурье «люди вольные». В ответ же поступило: «китайской де царь тому не верит, а говорит: великий де государь к нему, китайскому царю, прислал своего государева посла, а з другую де сторону посылает воевать ево китайские земли» [5]. По каким-то причинам, Байков решил не добавлять сведения об этом диалоге в свой доклад, и русское правительство в Москве узнало об этом из сообщений Аблая-тайин. 4.09.1656 посольство Ф. И. Байкова было выслано из Пекина, так и не выполнив своей задачи.

Таким образом, первое русское официальное посольство потерпело полную неудачу, не выполнив своей миссии. Однако, как бы провальным не казалось это мероприятие, было получено несколько важных сведений о Китае: путь в страну, данные этнографического характера и сведения о цинском дипломатическом церемониале. Важной информацией стало и сообщение о претензиях Цинской империи на Приамурье, и отождествление «князя Богдоя» собственно с Китайским императором, посылавшим войска на русские укрепления.

В это же время положение русских казаков в Приамурье становилось все сложнее и сложнее. После отъезда Хабарова в Москву его отряд возглавил О. Степанов, насчитывавший около 500 человек. Такой численностью было сложно не только отражать маньчжурские нападения, но даже просто

контролировать огромную территорию Приамурья. Ресурсы казаков подходили к концу, кончались порох и свинец, истощались запасы хлеба, и казаки начинали голодать, поскольку Д. И. Зиновьев во время своего приезда не привез дополнительного снабжения. Голод вынудил казаков двинуть в обратном направлении в поисках пропитания по реке Сунгари, но к несчастью они были встречены цинскими войсками. Однако ввиду очевидного перевеса в вооружении и численности войск казаки были вынуждены отступить обратно на Амур, расчистив реку от китайских судов [5].

В тоже время из Москвы поступали указания по поводу обороны этого региона, однако ни подкрепления, ни боеприпасов не присылалось. Так, в грамоте из Сибирского приказа от 15.03.1656 было сказано, что если «учнут на вас приходять богдойские или иные какие люди войною... даурских наших, и дючерских, и гилятцких ясачных людей от них оберегали» [20].

Степанов посылал письма якутскому воеводе М. С. Лодыженскому с просьбой отправить к нему людей и боеприпасы, а также сообщал об осаде Кумарского острога цинским войском около десяти тысяч человек.

Степанов описывает превосходную подготовку маньчжурского войска к осаде русского городка: «И щиты у них были на арбах, а те арбы были на колесах, и щиты деревянные, кожами поволочены, и войлоки были, а на тех арбах были лесницы, а по конец лестниц колеса, а в другом конце гвозди железные и палки, и на тех арбах привязаны были дрова, и смолье, и солома для зажегу, и у них острог копейчатой был же; да у них же, богдойских людей, у всякого щита были багры железные и всякие приступные мудрости» [20]. В общей сложности у маньчжуров было пятнадцать пушек, мелкое огнестрельное оружие, а также огненные стрелы. Однако после длительной осады Кумарского острога, обстрела из пушек и попытки поджечь деревянные стены, маньчжуры все же несли многочисленные людские потери, в результате чего были вынуждены оставить осаду и отступить.

В июне 1655 г. Степанов доложил, что охранять «государеву сторожку» стало бессмысленным, кончилась еда, вооружение. Положение отряда Степанова на

Амуре стало совершенно невозможным. Во время посещения низовьев Сунгари Степнов убедился, что посевов тут нет, а земля выжжена. «Ноне все войске оголодали и оскудали, питаемся травой и кореньями и ожидаем государева указу. А сойти с великия реки без государеву указу не смеем никуда. А богдойские воинские люди под нами стоят близко, и нам против их, богдойских людей, стоять и дратца стало нечем, пороху и свинцу нет нисколько» [20]. В июне 1658 г. во время сплава по Амуру отряд О. Степанова был разбит маньчжурскими войсками.

Так плачевно закончился первый этап освоения казаками Амурского региона. Маньчжуры, используя тактику «выжженной земли» и надеясь на численное превосходство своего войска, пытались выдавить русских с этих земель. Но даже после разгрома отряда Степанова стычки с русскими не закончились, « во всех этих сражениях наши войска не могли полностью уничтожить русских. Поэтому русские продолжали появляться в этих местах» [21].

Однако провал и гибель русских землепроходцев не остановило освоение бассейна реки Амур, лишь слегка замедлило продвижение и установление контроля над регионом. Ясак с местного населения продолжал поступать в государственную казну и в 1660-х гг., ясак собирался в больших размерах, хотя количество служилых людей в регионе не было велико, которых не могло хватить на контроль огромных безграничных территорий Приамурья [2]. В тоже время в этот регион активно заселялся русским населением.

В 1655 г. политическим и экономическим центром Приамурского региона стал восстановленный острог Албазин, основанный еще первой экспедицией Хабарова. Население восстановленного острога составляли беглые служилые люди и крестьяне из Прибайкалья, убившие местного воеводу Л. Обухова за его преступления против своих подчиненных. Сразу же после восстановления и укрепления крепости, беглые казаки продолжили стали собирать ясак с местного населения, перешедшего под российское подданство еще во времена Пояркова, Хабарова и Степанова[23]. Такие действия казаков демонстрировали сферу

влияния Российского государства в Амурском бассейне, что сыграло роль в последующем проведении межгосударственной границы.

Русские стали восстанавливать земледелие в Приамурье, уничтоженное маньчжурскими войсками в 1650-х гг. Помимо Албазинского были основаны Усть-Стрелочный, Кумарский, Верхозейский, Селемджинский и Долонские остроги, в тоже время появились несколько десятков земледельческих поселений такие как Вяткина, Паново, Озерная и другие деревни. К 1680 г. население Албазинского воеводства состояло из служилых людей в количестве 222 человек, крестьян – не более 500 человек, ссыльных заключенных – 74 человека, а также несколько сотен ремесленников и других занятых людей [2].

В апреле 1670 г. в Нерчинск приехал гонец из Цинской империи, вручивший местному воеводе Д. Д. Аршинскому грамоту от маньчжурского императора Сюань Е, содержащей просьбу об отправке русских послов в Пекин, «чтоб нам переговорить с очи на очи, а заодно привезите и Гантимура» [20]. Сразу же было отправлено посольство во главе с казаком И. Миловановым, по возвращению вручив новую грамоту от цинское императора. Само послание было не досконально точно переведено, ввиду слабого знания маньчжурского языка, но из переведенного стало известно, что Китайский император хотел было послать в Приамурье свое войско, но, узнав, что там живут подданные Российской короны, отбросил эту идею [5]. Само послание имело миролюбивый характер, и не вызывало никаких агрессивных мотивов со стороны цинов, хотя, когда через несколько лет был сделан доскональный перевод, к посланию добавился угрожающий характер: «И ныне, будет ты хочешь в миру жить, посылай к нам беглеца Гантимура» [20].

Эти угрозы были продемонстрированы рядом военных действий. Ясачные эвенки в 1671 г. докладывали в Якутск, что были попытки переманить их под китайское подданство, а также о самовольном сборе дани. Уже в апреле 1672 г. букейский фудутуп Монготу прибыл к русскому поселению с военным отрядом, открыто требовал перехода нерусских поселений в подданство китайской

империи, в случае отказа будет объявлена война [5]. В Нерчинск из соседних воеводств было отправлено всего лишь две пушки и 50 ядер к ним, а также 10 человек. Это была вся помощь, какую сибирские воеводы могли оказать, так как сами находились в подобной ситуации.

В это же время с российской стороны была предпринята очередная попытка установить официальные дипломатические отношения с Цинским Китаем. В феврале 1673 г. главой нового русского посольства в Пекин был назначен переводчик Посольского приказа Н. Г. Спафарий, подготовка самой экспедиции заняла целых два года.

Московские власти вручили главе экспедиции грамоту цинскому императору от царя Алексея Михайловича, в которой выражалось желание русского правительства быть с императорским двором «в приятной дружбе, любви и безурывных ссылках». В грамоте также содержалась информация, что прошлые китайские послания были получены и не прочитаны в силу отсутствия знатоков китайского языка [5]. А потому «для наших великого государя дел и для выразумения, о чем ваше ханово требования», и была снаряжена эта очередная посольская миссия.

Сам посол 28.02.1675 получил личную наказную, согласно которой ему было необходимо выяснить наиболее удобные пути в Китайскую империю, узнать, с кем она граничит, какие товары могут принести взаимную выгоду в российско-китайской торговле. Немаловажным было выяснение истинных намерений Цинского Китая о поддержании мирных отношений с Россией. Однако Н. Г. Спафарию не было поручено никаких наказаний по поводу территориального размежевания между двумя державами, так как русское правительство еще не ощущало острой необходимости регулирования пограничных территорий ввиду того, что границы двух государств еще фактически не сблизились вплотную друг к другу [5].

Весной 1675 г. посольство отправилось в путь. Был избран путь через Маньчжурию, так как в Тобольске Спафарий узнал о войне в Монголии. 15.05.1676 посольство прибыло в Пекин.

По приезде в столицу китайские сановники сразу стали запугивать русского посла, говоря, что если в его послании будет что-либо неприемлемое для китайской стороны, то делегацию незамедлительно отправят обратно в Москву, а цинским военачальникам будет немедленно отдан приказ «собирати войско, сколь мочно великое, и итить под Нерчинской и под Албазинский остроги и их до основания разорить, потому что ведаем по сколько человек живет в них». На что Спафарий ответил: «Почто он поминает разорение острогов? Ведают они и сами, как осадили Камарский острог, что взяли? А мы войною не хвалимся, а и бою их не боимся ж» [20].

Остро обсуждался вопрос о Гантимуре. Русскому послу не раз приходилось напоминать, что «Гантимур никогда у них в подданстве не был, кроме того, что приезжал к ним на время и опять возвратился в Нерчинской». Упорство китайского двора в этом вопросе хорошо объяснил приближенный к императорскому двору иезуит Вербист. Цинская империя готова начать военные походы на русские остроги в бассейне Амура, и поэтому любое решение в вопросе о Гантимуре будет разыграно в пользу маньчжуров: если русские выдадут Гантимура, то за ним пойдут и другие ясачные племена, а значит и держать казаков в этом регионе не будет иметь никакого смысла для Москвы; если же последует отказ на выдачу Гантимура, то, зная количество русских в Приамурье, это может быть использовано как казус белли для последующей войны [20].

В конце августа 1676 г. цинский двор выдвинул российскому послу ультиматум, согласно которому отныне в Китай не будут допускаться ни купцы, ни послы, выдвинуты требования для изменения решения: «1-е, чтоб Гантимура послал сюды с послом своим; 2-я, чтоб тот посол был самой разумной и чтоб он делал все, что прикажем по нашему обычаю, и в ни чем не противился; 3-я, чтоб

все порубежные места, где живут вашего великого государя порубежные люди, жили всегда смирно» [20]. Была подготовлена цинская ответная грамота русскому царю, составленная в духе обращения к зависимому от Китая государству. Спафарий, конечно же, отказался принимать настолько унижительную для суверенного Российского государства грамоту, и уже весной 1677 г. посольство возвратилось в Нерчинск.

Незамедлительно после отъезда русского посла из Пекина маньчжуры стали ускоренно вести подготовку войск к наступлению на казаков в Приамурье. Как основной опорный пункт и плацдарм был избран город Гирич. Накапливая силы в Маньчжурии, цины параллельно продолжали проводить провокационную политику в Приамурье, совершая набеги на русские поселения.

Намерения маньчжуров по агрессивным военным действиям в Приамурье становились все более явными. Одним из таких примеров стало донесение в марте 1681 г. даурами о приближении маньчжурских войск к Албазину по Амуру и земле. Пусть сведения и были достоверны и точны, однако нападения в несколько следующих лет так и не произошло. Крупных нападений не происходило, так как сами маньчжуры, несмотря на свои заявления, были слабо осведомлены об этих землях и не стремились вести военные действия на незнакомой территории [5].

Затем, в декабре 1682 г. нерчинский воевода Ф. Д. Воейков получил сообщение от албазинцев о прибывшем маньчжурском отряде, но к удивлению казаков этот отряд не нападал и не грабил русских. Командиры маньчжуров огласили цель своего приезда, что им нужны несколько беглых из «Наунских сел». А когда албазинский воевода ответил отказом, они развернулись и уехали обратно вниз по Амуру. Но все в крепости понимали истинную цель приезда маньчжурского отряда: «И то де знатное дело, что они приехали в Албазинский острог не для беглых мужикова, для осомтру Албазинского острога и каковы крепости и много ли де в Албазинском есть русских людей» [7].

Маньчжуры вели активную подготовку к наступлению и сильно переоценивали подготовку и оснащение российской стороны. В русских

поселения категорически ощущалась нехватка как людей, так и вооружения. Было предпринято несколько мероприятий по укреплению оборонного потенциала Амурского пограничья. Так, в 1683 г., был создан полк, в который набирались добровольцы из разных городов в Сибири. В общей сложности было отправлено: из Тобольска – 350 человек, из Туриснка – 30 человек, из Верхотурья и Тюмени – свыше 200 человек [1].

В июне 1683 г. отряд казаков под командованием Г. С. Мыльникова был разбит близ устья реки Зеи. Используя пару пленных, маньчжуры отправили послание от китайского императора, объявлявшего земли дауров, солонов, фэйяков и цилэров цинскими, а русским предлагалось под угрозой истребления покинуть эти земли. Таким образом, Китай пытался оправдать свои агрессивные акты, объявляя себя защитником всех ясачных племен в бассейне Амура.

Позднее было доложено о постройке нового города – Айгунь, расположенный в 2-х неделях езды от Албазина на правом берегу Амура. Из него в 1684 г. цинские войска стали совершать грабительские набеги на маленькие и отдаленные русские остроги: уже в феврале этого года был уничтожен Верхозейский острог [2], и одновременно с ним русские населенные пункты вдоль реки Буреи [21]. Так же командиру этих отрядов было дано указание усмирять и приводить в китайское подданство местное население, если русские, увидев приближающуюся армию, начнут отступать. Очевидно, что местное население было совершенно не радо своим «освободителям», но не могли обеспечить себе защиту без помощи казаков.

Узнав об выставке караула на середине пути от Албазина до Айгуни, летом 1684 г. русские стали готовиться к обороне. Этим же летом воеводой был назначен А. Л. Толбузин, вместе с его отправлением в острог были отправлены свинец и порох. На тот момент в Албазине проживало 350 служилых и 97 крестьян, как сообщил в Нерчинск новый воевода сразу после своего прибытия [23].

Цинская разведка доложила императору, что: «Русские, расселившиеся в Албазине и Нерчинске, занимаются только земледелием. Если мы захватим их хлеба, они не смогут длительное время продержаться» [21]. Поэтому местному командующему Сабсу было приказано подойти к Албазину и сжечь все посеы, не давая возможности русским собрать урожай. Однако он не смог выполнить приказ, испугавшись ложного донесения разведки о прибытия еще 400 казаков в Албазин. В своем докладе он ссылается на сведения пленных, что русские собирают урожай рано, и выступать уже не имеет никакого смысла.

К июню 1685 г. маньчжурские войска были в полной боевой готовности и были готовы к нападению. 10.06.1685 цинская армия захватила все русские поселения по берегам Амура ниже Албазина и готовила нападения на сам острог. Сообщая об этом в Нерчинск, албазинский воевода просил помощи, но даже скудная помощь Нерчинского острога не успела прийти вовремя, как и не смог подойти казачий полк в 600 человек.

12 июня острог был осажден, а 13 июня русские отказались капитулировать на предложение командующего маньчжуров. Было принято решение захватить крепость штурмом, зная примерное немногочисленное население острога. На рассвете 16.06.1685 началась атака продолжавшаяся до 10 часов вечера. По сообщениям воеводы, во время нападения было убито русских «человек со 100 и больши, и башни и острог из пушек разбили, и служилых, и торговых, и промышленных людей, и пашенных крестьян от верхних и нижних боев отбили, и во многих местах в Олбазинском остроге церковь, и колокольню, и лавки, и хлебные амбары зажгли огненными стрелами» [7]. Однако, обороняющиеся не отступали и продолжали сражаться. Поняв, что взять город штурмом невозможно, маньчжурский военачальник принял решение сжечь город. В этих условиях и с кончившимся порохом, русские были вынуждены пойти на переговоры с китайцами. Оставшихся албазинцев было решено отпустить в Нерчинск, но, нарушив договор, маньчжуры отобрали у казаков все имущество. В Пекине торжествовали победу, но на этом с искоренением русских с Дальнего Востока не

было покончено, китайские стратеги не оценили по достоинству силу морального превосходства и духа русских защитников, которые не намерены были отдавать свою землю даже после поражения.

После прибытия албазинцев в Нерчинск, местный воевода И. Е. Власов, не желая терять обжитых земель, послал на разведку казаков. По возвращению они доложили, что острог сгорел, но посевы пшеницы не были затронуты, маньчжурской армии не видели, но смогли привезти китайца-дезертира из цинской армии. Он сообщил, что местные войска отправились подавлять начавшиеся бунты, и что в Айгуне осталось от силы человек 500 [7]. Все же эти сведения были далеки от истины: никаких серьезных крупных восстаний в то время не было, для подавления которых потребовалась помощь айгуньской армии. Но все же приказ об уничтожении посевов русских был более достоверным [21].

Несмотря на сомнения в достоверности информации, было принято решение снарядить 514 служилых и сотню промышленных и крестьян для восстановления Албазина. Они в кратчайшие сроки отстроили острог и собрали хлебные посевы. Узнав о возвращении русских, маньчжуры возобновили набеги. Китайский император Сюань Е приказал в апреле 1686 г. начать новое наступление на Албазин: «Если вы город Албазин возьмете, то немедленно идите на город Нерчинск, а когда окончите дело, возвратитесь в Албазин и, разместив тут войска, перезимуйте» [21].

Итак, взятие Албазина должно было послужить поводом для очередного нападения цинских войск на остальные даурские остроги; именно поэтому сохранение Албазина могло иметь решающее значение для судеб Приамурья в целом.

Начиная с 7.07.1686 Албазин оказался в осаде. Маньчжуры много раз предпринимали попытки взятия города штурмом, хотя албазинское ополчение и было невелико, но они успешно отбивали атаки врага, а также вылазками за крепость заставляли отступать нападавших.

Безрезультатность многочисленных попыток штурма была очевидна китайскому императору. Причины такой стойкости и неприступности русского укрепления были неясны пекинской верхушке, и они объясняли это так: «Наш двор неоднократно посылал грамоты, но ни разу не получал ответа, а между тем русские, находящиеся в Албазине, стоят здесь насмерть и не соглашаются уходить. Вероятно, это произошло потому, что прежние наши грамоты задержались в Нерчинске и других местах и не дошли до места назначения, или же оттого, что русские, проживающие в Албазине, – все осужденные преступники и не могут возвратиться на родину» [21]. Однако на самом деле китайскому императору было прекрасно известно, что русские осваивали Приамурье по приказу и согласованию с русским правительством.

4.09.1686 цинский император, осознавая провал наступления, вместе с голландским послом отправляет русским указ: «В указе уведомить его, что мы посылали к нему грамоты неоднократно, потребовать, чтобы он отозвал русских из Албазина и Нерчинска, установить в определенном месте границу, которую ни одна из сторон не должна нарушать» [21].

В то же время императорский еще двор не знал, что Москвой были предприняты собственные шаги по прекращению кровопролития. После первого нападения на острог было решено отправить в Пекин гонцов с грамотой. В ней русское правительство высказывало свое недоумение и недовольство из-за нападения на русские поселения, а также заключало, что любые недоразумения можно было решить мирным путем. Кроме того, было добавлено, что для урегулирования отношений между двумя государствами будет немедленно выслан посол, а также содержало требование отвода цинских войск от русских крепостей [4].

31.10.1686 гонцы добрались до Пекина, вручили местным чиновникам грамоты от русского царя и объяснили, что ввиду своего статуса не имеют права вести переговоры. Китайцы изложили причины конфликта со своей точки зрения, которая заключалась в самовольном сборе ясака албазинцами с местного

населения и изложили хронологию событий. После этого последовала новая грамота из Москвы с предложением провести мирные переговоры: «И слыша о том мирном постановлении, хан их, также и они, хановы ближние люди, чтоб кровопролитие на обе стороны перестало, радуясь для того, что у хана их ни с которым пограничным государем войны не бывало, и нены войны с царским величеством потому и не желая... бытии в дружби и любви желает, и, жалея тех людей, которые сидят в Албазине, чтоб з голоду не померли, войскам своим от Албазина отступить указал» [21].

Были отправлены казаки с сообщением для маньчжурских войск о прекращении военных действий. Направлены несколько врачей из Китая на помощь пострадавшим, раненым и больным с обеих сторон. Маньчжурские войска остались на зимовье близ Албазина, и после схода льда, а также нескольких напоминаний со стороны казаков постепенно покинули окрестности острога, уничтожив все свои осадные приспособления. К моменту окончательного ухода цинских войск защитников острога осталось всего 115 человек [21].

Таким образом, оборона Албазина унесла многие жизни как русского, так и маньчжурского населения этого региона. На момент окончания осады русским удалось сохранить ранее освоенные ими земли, а также остановить планы цинов по захвату Приамурья. Упорство и борьба казаков, вынудила представителей китайского двора начать переговоры с Русским государством. Китаю не удалось в короткий срок выгнать чужестранцев, перевести местное население в китайское подданство. Однако такое быстрое развитие событий имело и положительный характер: происходила активная разведка местности, строились новые города и опорные пункты, развивалось местное земледелие, происходил обмен культурным опытом аборигенного населения с русскими и китайскими поселенцами. Появление русских внесло некий баланс сил в регион – Китай не смог, как обычно, подчинить себе появившееся новое государство в свою систему «Китай-вассал», поэтому все больше осознавал Россию как равнозначное соседнее государство.

3.2 Подписание первых договоров между государствами

Для ведения мирных переговоров о Приамурье с маньчжурами был назначен великий и полномочный посол Ф. А. Головин. В его наказе значилось: «Учинить непременно рубеж по реке Амур, давая знать, что, кроме оной реки, издревле разделяющей оба государства, никакая граница не будет крепка, также чтобы подданные обоих государств с одной стороны в другую за реку Амур не переходили, с ясашных людей ясака не собирали и никаких обид им не чинили; пограничные ссоры успокоить; разоренные острожки построить и людьми населить паче прежнего» [5]. Но понимая всю ситуацию, русское правительство предлагало максимальные уступки по проведению границы близ Албазинского острога, а если же китайская сторона отказалась и от этого предложения, не желая воевать, приказывало послу «военною всего сего домогаться рукою» [4]. Но после возвращения из поездки И. Фаворова и Н. Венюкова был выслан новый указ послу: территориальные статьи практически оставались без изменений, однако, если на все предложения и уступки русской стороны последует отказ, то переговоры следует отложить на дальнейшее более благополучное время, и не нападать на них никакими мерами, только если с китайской стороны не последует явной агрессии и атаки.

Проект русско-китайского разграничения в Приамурье был изложен в докладе Сонготу и утвержден императором: «Мы, подданные, считаем, что Нерчинск, Албазин, верхнее и нижнее течений Хэйлуңцзян, а также все впадающие в него реки и ручьи находятся на наших землях и их нельзя оставить Русскому государству». В случае согласия с русской стороны и выдачи Гантимура, последовало незамедлительное подписание договора о границе.

В январе 1689 г. великий и полномочный посол России отправил в Пекин своего подчиненного И. Логинова для выяснения места ведения переговоров, решение о выборе места предоставлялось цинскому двору [21]. Гонцу сообщили, что император выбрал местом проведения переговоров Нерчинск, и что

китайскую делегацию будут охранять 1000 человек охраны. Как обычно, китайская сторона вела хитрую политику: основная посольская часть действительно двигалась по сообщенному маршруту, однако был и другой отряд во главе с Ланьтанем, который двигался на судах вверх по Амуру. В указе император приказывал об установлении границы по Нерчинску или, в крайнем случае, по Аргуни. Кроме того, он также добавил: «Если представится удобный момент, действуйте в соответствии с обстановкой», – что фактически являлось разрешением на ведение боевых действий [21].

Прибытие и каравана по суше, и значительного флота ввело в ступор местное русское население, так как не было договоренности о такой военной силе на переговорах. Сами маньчжуры, прибыв на полмесяца раньше Головина, фактически оккупировали регион, считая, что с точки зрения китайской дипломатии, это даст им значительный перевес и успех в ходе дальнейших переговоров.

Первая встреча состоялась 12.08.1689, в ходе которой обе стороны изложили взаимные претензии друг другу: китайские послы требовали признать и освободить земли до Байкала, так как они считали себя наследниками Чингисхана и эти земли их по праву, русские в тоже время предложили провести границу по Амуру, сделав левый берег своим, а правый – китайским [5].

Во время второй встречи русской стороны было предложено сначала провести границу по реке Буреи, а затем по реке Зеи. Цинская сторона настаивала, чтобы граница проходила через Нерчинск. Однако даже при таких уступках с русской стороны, Российское государство теряло огромные обжитые территории, тогда как китайцы, уступали чужие земли, не теряя при этом ничего. Сразу же после окончания вторых переговоров, китайская сторона начала переманивать ясачных бурят и онкотов на свою сторону, что, в свою очередь, приводило к возможному совместному наступлению китайских войск и ясакских перебежчиков.

Вплоть до 23 августа не было никаких встреч, и все предложения нового разграничения осуществлялись через переписку. Цинские послы отвергали всякие

предложения русской стороны, и в ответ выдвинули свой новый план по переразделу земли: «границе быть по реке Горбице, впадающей в реку Шилку близ реки Черной, и по реке Аргунь; Аргунский острог перенести с правой стороны Аргуни на левую и больше по Аргуни русских поселений не строить; Албазин снести, а его жителей вывести» [21].

Не имея больше возможности предложить более выгодные условия по разграничению земель в Приамурье, чем предлагалось маньчжурской стороной, 22 августа, русские послы, ввиду недвусмысленной угрозы с китайской стороны, решили принять последнее предложение цинской стороны по разграничению. Все же даже после принятия русскими последнего предложения, китайцы не остановились на достигнутом, они стали требовать провести границу до мыса Святой Нос, где-то между реками Амур и Лена, несмотря на то, что на их картах таких пунктов не значилось.

И, наконец, 29.08.1689 состоялась третья встреча, на которой был подписан первый русско-китайский договор, получивший свое название по месту подписания, Нерчинский. Договор состоял из преамбулы и шести статей, был заключен на русском, маньчжурском и латинском языках.

После заключения Нерчинского договора 16.06.1690 на Устье Горбицы был установлен каменный монолит с текстом договора на пяти языках. Текст был фальсифицирован: на монолите не упоминалось разграничение пространств к югу от реки Уды, а также не было никаких сведений о вершинах реки Аргуни. Самовольное изменение текста показывало ненасытные амбиции маньчжурского правительства на эти территории. Вскоре выяснилось о цинских военных экспедициях на места ясачных племен, в места, разграничение которых было отложено Нерчинским договором. Это была последняя акция маньчжуров в регионе. В последующем их внимание было обращено на другие, более важные территории, и Приамурье перестало их сильно интересовать.

Стремясь отыскать пути в Японию для установления с ней торговых отношений, чем активно занимались русские колонизаторы после установления

мира с Китаем, русское правительство в то же время старалось сохранить и развивать торговлю с Цинской империей. В период с 1693 по 1718 гг. в Поднебесную отправилось десять казенных торговых караванов. Помимо этих караванов процветала частная торговля, которая шла мимо таможенников и не приносила никакого дохода государственной казне, а также существенно снижала выручку от казенных караванов.

Цинская империя в это же время, ведя активные боевые действия в Монголии, опасалась, что Россия будет втянута в этот конфликт. К счастью для них, Российскому правительству не было особого дела до этого конфликта, и она сохраняла нейтралитет, поддерживая дружеские отношения с Джунгарией, одной из враждебно настроенных в отношении Поднебесной страны. Цинскими властями была предпринята попытка ввязывания торгутов, монголоидное население вблизи Китая, в свою войну. Они являлись подданными Русского государства. Россия, конечно же, запретила использовать своих подданных в целях и интересах Цинской империи. Это фактически бы означало вступление России в войну против Джунгарии, с которой велись попытки установления добрососедских отношений, на стороне Китая.

Тогда императорский двор предпринял попытки экономического давления на соседнее государство. В 1717 г. из Пекина был выслан казенный русский караван, а затем и вовсе не допущен оказался караван купца Ф. Истопникова. Затем было составлено письмо от хэйлунцзянского правителя на имя Нерчинского воеводы, в котором говорилось, что, якобы, воевода использует перебежчиков в своих целях для обогащения и развития русско-китайских торговых отношений. А затем была изложена основная причина письма: «После того как наши две империи заключили договора, мы более 10 лет тому назад, писали относительно границы между Халхой и Россией, но даже не получили ответа. Мирный договор был заключен немного раньше, халхаские же события сложились позже. Как же вы можете смешивать эти события?» [5]. Затем высказывались упреки об укрытии перебежчиков, а в конце добавлено, что китайская казна несет потери от русских

торговых караванов, и объявлялось об остановке и запрете и торговле между двумя государствами. Была предпринята попытка разрешения ситуации отправкой русского посольства в 1721 г. под предводительством Л. В. Измайлова. К сожалению, посольство не добилось успеха, так как цинскую сторону интересовали вопросы о проведении границ в Монголии, либо о помощи в войне с джунгарами. У Л. В. Измайлова даже не было таких полномочий, так как он был направлен с целью разрешения вопроса о торговле.

Очередная попытка наладить торговлю была предпринята 18.06.1725 с подготовкой отправки в Китай посольство по указу Екатерины I под предводительством опытного дипломата С. Л. Владиславича. Он был проинструктирован Коллегией иностранных дел и Коммерц-коллегией. Основная цель посольства – «прежнее доброе согласие утвердить и свободное отправление купечества восстановить и утвердить» [5]. Поскольку же эта задача находилась в прямой зависимости с требованием цинского двора о дальнейшем разграничении между двумя империями, то Владиславичу поручалось установить границу между Россией и Китаем по северным рубежам Халхи. Были отправлены приказы о сборе сведений на предполагаемой границе и составлении карт. По пути посол осуществлял сбор и анализ всех сведений о русско-китайской границе в неопределенных зонах с возможностью отвести их как можно быстрее и отвергнуть китайские притязания, если они будут схожи с требованиями во время миссии Измайлова [4].

В начале сентября 1726 г. русское посольство отправилось в Китай и 21.10.1726 прибыло в Пекин. Несмотря на радушный прием, переговоры с самого начала оказались очень затруднительными, маньчжурско-китайские чиновники требовали признать китайскими значительные территории в Забайкалье, подразумевая схожесть двух рек – Уды, впадающей в Охотское море, и Уды, текущей в Селенгу, таким образом они требовали передать им русские земли с Южной Сибири. Владиславичу не составило особого труда разоблачить столь наглый, но наивный обман. Русский посол заверил их, что не имеет полномочий

заниматься разграничением Дальневосточных земель, и сразу перешел к вопросу о Халхе. Цинские сановники, после нескольких попыток манипулирования и давления, убедились в неизменности решения русского посла и согласились начать решать вопрос о границе в Монголии [5].

В июне 1727 г. русское посольство вернулось на монгольскую границу, где с июня по август проходили дальнейшие переговоры. В результате длительных дискуссий в основу определения границы был положен принцип фактического владения.

20.08.1727 был подписан Буринский договор, определивший границу между двумя государствами на монгольской границе, а затем, вскоре после демаркации границ, 21.10.1727 был подписан Кяхтинский трактат. Впоследствии трактат был отправлен на ратификацию в Пекин, а по возвращении изменен так, что русская сторона не могла его принять. С. Л. Владиславич категорически отказался принимать новую редакцию, и переписка длилась до апреля следующего года. Наконец, 14.06.1728 состоялся обмен ратифицированными согласованными экземплярами Кяхтинского договора, по которому установилась граница по северным рубежам Монголии, упорядочен режим границы, восстановлена торговля: 3 раза в год отправка караванов численностью не более 200 человек, беспошлинная пограничная торговля в Кяхте и Цурухайтуе [11].

3.3 Оценка Нерчинского и Кяхтинского договоров

Давая оценку заключенным договорам, нужно отметить, что это было первое официально русское знакомство с крупнейшим государством Дальнего Востока, которое, к тому же, во многом отличалось, от ранее известных европейских и ближневосточных стран практически во всех сферах жизни. Так, китайская традиционная дипломатия признавала отношения с соседями только по системе «Поднебесная-вассал», и никогда не рассматривала соседние страны как равные ей.

Нерчинский договор стал первым документом, который на официальном уровне подтверждал и регулировал начальный этап русско-китайских отношений. Однако, этот договор, с точки зрения международного права, имел ряд особенностей, как по ходу заключения, так и по его содержанию. Во-первых, он был заключен в условиях фактической оккупации маньчжурскими войсками всего региона в Приамурье. Во-вторых, с юридической стороны, договор был далек от совершенства:

1. тексты заключены на трех различных языках, однако, каждая версия имела свои отличия [19];
2. вопрос о разграничении территории был решен лишь близ острогов Нерчинск и Албазин;
3. не было произведено демаркации границ;
4. не был осуществлен обмен картами.

К тому же географические ориентиры, обозначавшие линию прохождения границы, были очень неясны: наиболее четким географическим объектом являлась река Аргунь, однако, что касается реки Горбицы и цепи горы, по которым должна была проходить граница, то их расположение всегда вызывало разногласия географов. Так, совершенно неясным географическим ориентиром является цепь гор, названная в русском тексте «каменными горами», а в маньчжурском варианте – Большим Хинганом. Таким образом, Нерчинский договор не позволял в полной мере определять русско-китайскую границу в Приамурье, за исключением хорошо известных рек Аргунь и Горбица. Остальная часть оставалась в неопределенном положении, вопрос о дальнейшей судьбе этих мест было принято перенести на будущее.

По характеру уступок договор можно назвать унижительным для российской стороны. Российские первопроходцы долгое время постепенно продвигались на Восток. Колонизация сопровождалась включением местного населения в российское подданство, строительством городов, переселением крестьянства из западных районов и сельскохозяйственным развитием, а также культурным

подъемом региона. С китайской же стороны земли вдоль бассейна Амура предполагалось использовать как буферную пограничную зону против набегов кочевников, а местное население рассматривалось лишь как источник грабежа и пополнения армии и рабов у «знаменных». Поэтому немногочисленное казачество так яростно защищало свои крепости и обжитые земли, пусть и численный перевес был явно не на их стороне, казакам не хватало припасов. Большинство местного населения было бывшими преступниками или беглыми крестьянами, которые осваивая Приамурье, стали действовать от лица государства, избавлялись от наказаний за прошлое. А китайской стороне было легко «торговать» не своими территориями, так как в процессе они не потеряют ничего.

Процесс заключения договора также не был идеальным. Цинские послы постоянно настаивали на своем варианте проведения границ. Китайский император оказывал давление, когда в обход договоренностей вместе с посольством отправил значительное количество военных людей, которые в несколько раз превышали численность русских в регионе. Фактически, это позволяло маньчжурам в любой момент начать военные действия. Поэтому после длительных переговоров русские были вынуждены пойти на уступки и принять предложение цинской стороны из-за угрозы уничтожения. После заключения договора был поставлен каменный монолит с текстами договора на пяти языках, фальсифицированный с китайской стороны, также на протяжении последующего года после заключения договора, маньчжуры продолжали свои военные экспедиции на нерешенных территориях вблизи Приамурья.

В российской и советской историографии XIX–XX вв. Нерчинский договор оценивался историками неоднозначно: как равноправный и как неравноправный и поражение российской дипломатии. Так, П. В. Шумахер в журнале «Русский архив» во второй половине XIX века отмечал, что «и в деле Головина, при всей его неудаче, заключалась та хорошая сторона, что один из пунктов Нерчинского договора был, некоторым образом, поводом к возобновлению... вопроса об Амуре» [15].

Договор оценивался как равноправный, не ущемляющий права сторон, выгодный для России: П. Т. Яковлевой, Б. Г. Щебенковым. В 1960-е годы, во времена охлаждения отношений между СССР и Китаем, возобладала противоположная трактовка. Так, В. М. Хвостов в 1964 году так оценивал документ: «...Этот договор, подписанный представителями русского правительства под угрозой со стороны превосходящих маньчжуро-китайских войск, был вовсе не равноправным, а навязанным силой актом, причём в роли захватчика и насильника выступала Китайская империя». В. А. Александров считал, что договор породил оккупацию Китаем территорий, занятых Россией во второй половине XVII века. В. С. Мясников считал, что договор был подписан под угрозой применения силы со стороны Китая. Г. В. Мелихов отмечал, что «Маньчжуро-китайские власти... воспользовавшись своим военным превосходством... прибегли к военным действиям и военному шантажу на... переговорах» [15].

Кяхтинский же договор, как полная и дополненная версия Буринского договора, выполнил свои задачи благодаря опытным переговорам С. Л. Владиславича. Этот договор решил торговую проблему, возникшую между двумя империями в последние годы. Для достижения торгового согласия, правительству Российской империи пришлось выполнить условия цинской стороны и провести границу на севере Монголии в Халхе. Зная о требованиях маньчжуров заранее, на монгольские территории были посланы опытные люди для сбора данных, исследования и составления карт. Китайская сторона, как обычно, не упускала возможности изменить решение и навязать свои требования русской стороне. Однако профессионализм русского посла не позволил прогнуться под китайским давлением, у него помимо этого не было полномочий для решения вопросов о разграничении притязаний китайской стороны на Дальний Восток, а также втягивания России в Китайско-Джунгарскую войну.

В этот раз договор был заключен на достойном уровне международных отношений: была проведена демаркация границ двумя сторонами, проведен

обмен и ратификация договорами, тексты документов были идентичны на всех составленных языках.

Огромное значение этот договор имел для русских миссионеров при посольстве в Пекине. Была оформлена официальная духовная русская миссия в столице Поднебесной, шесть из десяти ее участников были обязаны учить маньчжурский и китайский языки.

Урегулирование местных пограничных споров было возложено на плечи местных руководителей, что значительно увеличивало скорость решение всех возникающих вопросов, был наконец определен порядок приема посольств не в духе китайской традиционной дипломатии, а также была принята юрисдикция в отношении нарушителей границ.

3.4 Историческое значение Нерчинского и Кяхтинского договоров

В истории взаимодействия России и Китая в конце XVI – середине XVII вв. были как периоды конфронтации, так и эпохи мирных и добрососедских отношений. Исследование уроков этих контактов, путей преодоления разногласий и недоверия, укрепления понимания в различных сферах - важная и актуальная задача, поставленная временем. От решения тех проблем, которые накопились за долгий период взаимоотношений между двумя государствами, зависит нынешнее и будущее состояние российско-китайских связей. Недооценка или хотя бы частичное игнорирование многовекового опыта российско-китайского взаимодействия чревата ошибками сегодня, которые завтра могут обернуться самой трагической стороной. В этом, в частности, крылась одна из причин советско-китайской конфронтации в более позднее время – в 60–70-х гг. XX в.

Особенно значимым в данном ключе становится изучение начального этапа взаимодействия двух государств, предшествовавшего установлению регулярных торговых и дипломатических связей России с Поднебесной империей. Именно рубеж XVI–XVII вв. заложил те принципы и одновременно породил те

противоречия, которые впоследствии станут определяющими в русско-китайских отношениях.

Нерчинский и Кяхтинский договоры заложили основы будущих отношений между Россией и Китаем на долгие годы. Опыт этих договоров не должен быть потерян во времени. Политики, политологи и историографы должны искать решение для накопившихся проблем из уже имеющегося опыта, который приносил результат. Одним из таких примеров может послужить пересмотр Нерчинского договора о границах почти через 200 лет после его заключения в Айгуньском и Пекинском договорах. Российская сторона, воспользовавшись прошлым опытом и несовершенством Нерчинского договора с отсутствием четкой границы и проведенной демаркации, смогла вернуть свои утраченные земли, а также заполучить новые территории.

Примером из современности, которому определенно поможет опыт прошлых лет, может служить недовольство Китая в вопросе снабжения Россией Индии, с которой он ведет активную конкуренцию за доминацию в регионе. Опыт XVII в. показывает, что российская сторона остается в нейтралитете и сохраняет дружественные отношения со всеми участниками конфликта, в который она не лезет, как это было во времена Китайско-Джунгарской войны.

Пограничный вопрос всегда остро стоял между двумя государствами, к счастью, на юридическом уровне фактический раздел земель завершен, однако, он сопровождается картографической агрессией, которая может служить поводом для начала военных действий. Предотвращение подобного развития событий поможет опыт длительной осады Албазинского острога, дабы не допустить кровопролития, так как в современном мире проблемы и вопросы между государствами должны решаться мирным путем.

Таким образом, установлению первых официальных русско-китайских отношений предшествует длительный период противостояния казаков против маньчжурских войск. Был уничтожен пограничный городок Албазин, как

результат первой осады, он также выдержал и вторую осаду после восстановления. Было пролито много крови с обеих сторон.

Сам процесс заключения договоров был напряженным, так как из-за необъятных желаний и требований цинской стороны переговоры постоянно затягивались на длительный срок до установления согласия между сторонами. Помимо этого, также осложнялось положение российской стороны тем, что на нее оказывалось либо постоянное давление для изменения решения в пользу китайской стороны, либо проходила фактическая оккупация территории переговоров с целью получения преимущества и вынуждения скорейшего принятия выгодного для маньчжуров предложения.

Несравнимо влияние договоров на последующие торгово-политические отношения между двумя государствами. Их опыт и опыт первых контактов играет огромную роль на настоящее время, и его использование нашло свое отражение в прошлом, когда одна из стран смогла использовать его в своих целях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенной работы было установлено влияние первых контактов и опыт заключения договоров, как на будущее, так и на современные реалии; были рассмотрены и проведен анализ положения рассматриваемых стран, а также ход заключения и итоги Нерчинского и Кяхтинского договоров; дана оценка их влияния на будущее отношений между государствами, а также на современность.

Анализ внутренних процессов рассматриваемых стран показал причины расширения влияния и своих территорий Российского государства. Проанализированы причины прихода цинов к власти, которые впоследствии вступили в контакт с Российским государством, а также особенности их дипломатии. Все это явилось результатом дальнейших противоречий в Приамурье.

Российская сторона выступала постоянным инициатором установления и урегулирования всех контактов и предлагала подписание мира с соседней Поднебесной, что в итоге вылилось для нее, как результат первого договора, потерей значительной части обжитых территорий.

Китай же в свою очередь признал Российское государство себе равным. Ему не удалось подмять под себя и включить в свою вассальную систему новое государство по соседству.

Результатом этих отношений стало установление границы на севере Монголии в Халхе, а также в бассейне реки Амур. Установление нормированной торговли в беспошлинных пограничных торговых городах. Также одним из важнейших

результатов Кяхтинского договора стало оформление русской духовной миссии в Пекине, что позволило вести миссионерскую деятельность на территории другой страны.

Нельзя не отметить роль установления первых официальных отношений для будущих поколений, как их опыт может помочь в дальнейшем, и как его игнорирование может обернуться. В работе наглядно рассмотрены такие случаи из истории взаимоотношений рассматриваемых государств, а также приведены примеры для использования этого опыта для решения современных проблем.

Результаты работы рекомендуется использовать для подготовки к практическим занятиям по истории Китая и международных отношений, рефератов и докладов по соответствующей тематике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Акты исторические [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/lib/book8009/> (дата обращения 5.05.2019).
- 2 Александров, В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) / В. А. Александров. – 2-е изд. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1984. – 272 с.
- 3 Алексеев, А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и русской Америки до конца XIX века / А. И. Алексеев. – М.: Наука, 1982. – 280 с.
- 4 Бантыш-Каменский, Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год / Н. Н. Бантыш-Каменский. – Казань: Типография Императорского Университета, 1882. – 565 с.
- 5 Беспрозванных, Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII – середина XIX в. / Е. Л. Беспрозванных. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1986. – 336 с.
- 6 Бондарский, М. С. Очерки по истории Русского землевладения. Ч. 1 / М. С. Бондарский. – М.: АН СССР, 1947. – 292 с.
- 7 Дополнение к Актам историческим [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/lib/book8011/> (дата обращения 5.06.2019).
- 8 Империя Мин // Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Империя_Мин (дата обращения 18.04.2019).
- 9 История открытия и исследования советской Азии / А. А. Азатьян, М. И. Белов, Н. А. Гвоздецкий и др. – М.: Мысль, 1969. – 535 с.
- 10 Колонизация русским Сибири и Дальнего востока в XVII веке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.historyabout.ru/study-133-4.html> (дата обращения: 06.03.2019).
- 11 Кяхтинский договор // Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Кяхтинский_Договор_\(1727\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Кяхтинский_Договор_(1727)) (дата обращения 5.05.2019).

12 Мясников, В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. / В. С. Мясников. – 2-е изд., доп. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1987. – 512 с.

13 Мясников, В. С. Становление связей Русского государства с Китаем // Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683 [Электронный ресурс]. URL: http://drevlit.ru/docs/kitay/XVII/1600-1620/Rus_kit1/vved1.php (дата обращения 20.04.2019).

14 Непомин, О. Е. История Китая: Эпоха Цин XVII – начало XX века / О. Е. Непомин. – М.: Восточная литература, 2005. – 712 с.

15 Нерчинский договор // Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нерчинский_Договор (дата обращения 20.05.2019).

16 Никитин, Н. И. Освоение Сибири в XVII веке / Н. И. Никитин. – М.: Просвещение, 1990. – 144 с.

17 Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн / под ред. Ю. Шан, – М.: Восточная литература, 1959. – 580 с.

18 Путятин, В. С. Внешняя политика России в XVII веке / В. С. Путятин // Энциклопедия Всемирная история [Электронный ресурс]. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/vnieshniaia_politika_rossii_v_xvii_viekie (дата обращения 23.02.2019).

19 Российско-китайские отношения. История и современность. Хрестоматия. / сост. Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. – 952 с.

20 Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683 / под ред. В. С. Мясникова [Электронный ресурс]. URL: http://drevlit.ru/docs/kitay/XVII/1600-1620/Rus_kit1/index.php (дата обращения 23.03.2019).

21 Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. Т. 2. 1686–1691 / под ред. В. С. Мясникова [Электронный ресурс]. URL:

http://drevlit.ru/docs/kitay/XVII/1680-1700/Rus_kit2/index.php (дата обращения 27.03.2019).

22 Экарева, И. Л. Из истории колонизации России в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке / И. Л. Экарева // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. – 2009. – Вып. 17. – № 1 (139). – С. 95–103.

23 Яковлева, П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 года / П. Т. Яковлева. – М.: Академия наук СССР, 1958. – 236 с.

24 Inozemtsev, V. Russia, the Last Colonial Empire / V. Inozemtsev // The American interest. – 2017. – V. 13. – № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.the-american-interest.com/2017/06/29/russia-last-colonial-empire/> (дата обращения: 05.03.2019).